

ВАЛЕНТИН  
ПИКУЛЬ



ПРИГОВОРЁН  
ТОЛЬКО  
К РАССТРЕЛУ



Валентин Пикуль

**Приговорен только к  
расстрелу (сборник)**

«ВЕЧЕ»

1954-1990

## **Пикуль В. С.**

Приговорен только к расстрелу (сборник) / В. С. Пикуль —  
«ВЕЧЕ», 1954-1990

ISBN 978-5-4444-7032-9

Исторические миниатюры Валентина Пикуля – уникальное явление в современной отечественной литературе, ярко демонстрирующее непревзойденный талант писателя. Каждая из миниатюр, по словам автора, «тоже исторический роман, только спрессованный до малого количества». Миниатюры, включенные в настоящее издание, представляют собой галерею портретов исторических личностей XVIII – начала XX в., много сделавших на благо России.

ISBN 978-5-4444-7032-9

© Пикуль В. С., 1954-1990

© ВЕЧЕ, 1954-1990

## Содержание

Трудолюбивый и рачительный муж	6
«Цыц и перецыц»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

# **Валентин Пикуль**

## **Приговорен только к расстрелу**

© Пикуль В.С., наследники, 2011

© Пикуль А.И., составление, 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства [www.veche.ru](http://www.veche.ru)

## Трудолюбивый и рачительный муж

Вологда издревле украшалась амбарами, отсюда товары русские расходились по всей Европе; в городе со времен Ивана Грозного существовала даже слобода – Фрязиновая, иноземцами (фрязинами) населенная. Петр I не раз проезжал через Вологду, где с купчинами местными по-голландски беседовал, а после Полтавы он пленных шведов сослал на жительство вологодское:

– Народ там приветливый, а в слободе Фрязиновой единоверцев сыщете, дабы не совсем вам одичать...

Однажды был сильный мороз. В доме купца Ивана Рычкова уже почивать готовились, когда с улицы кто-то постучал в ворота, жалобно взывая о милосердии христианском.

– Не наш стонет, – сказала мужу дородная Капитолина Рычкова. – По-немецки плачется... Пустим, што ли?

– Чай, заколела душа чужая, – согласился хозяин. – А коли у наших ворот замерзнет, потом сраму не оберемся...

В теплую горницу ввалился заочеченный «герой Полтавы», и он был радостно изумлен, когда хозяин приветствовал его по-немецки, а хозяйка поднесла перцовой для обогрева. Оттаяв возле жаркой печи, ночной гость представился:

– Граф Иоахим Бонде из Голштинии, но имел несчастье соблазниться славою шведских знамен королевуса Карла Двенадцатого, почему и познал на себе все ужасы зимы российской...

Купец о себе рассказал: их семья имеет контору в Архангельске, если кому в Европе щетина нужна или клей, смола древесная или икра вкусная, те непременно к семье Рычковых обращаются. И стал граф Бонде навещать дом радушных купцов, с маленьким Петрушей баловался, как со своим дитятей. Мальчику было восемь лет, когда граф Бонде пришел проститься:

– Карл-Фридрих, мой герцог Голштинии, ныне ищет руку и сердце у дочери царя вашего – Анны Петровны, и потому государь ваш всех голштинцев от ссылки печальной избавляет...

Уехал. А вскоре беда случилась: на Сухоне и Двине побило барки с товарами, семья Рычковых в одночасье разорилась. Батюшка горевал, сказывал Капитолине Ивановне:

– На пустом месте едина крапива растет. Придется дом в Вологде продать, едем на Москву счастье сыскивать. Был 1720 год. Петруша Рычков уже знал грамматику, арифметикой овладел. Однажды, гуляя с батюшкой по Москве, он дернул его за рукав кафтана, крикнув:

– Гляди, наш дядя Юхим в карете-то золотой едет, а с ним господа-то всякие, вельможные да важнецкие...

Граф Иоахим Бонде состоял в свите зятя русского царя, он не стал чваниться, облобызав Рычковых приветливо:

– Вы были моими добрыми друзьями в Вологде, теперь я в Москве стану вашим сердечным доброжелателем...

По его настоянию герцог сделал батюшку своим «гоф-фактором», и тогда же решилась судьба Петруши Рычкова.

– Вот что! – сказал ему отец. – Ныне коммерция да науки меркантильные отечеству крайне нужны стали, а потому решил я тебя к бухгалтерскому делу приспособить. Предков знатных за Рычковыми не водится, посему-то, сыночек родненький, тебе лбом дорогу пробивать надобно...

На полотняных фабриках, общаясь с мастерами-иноземцами, Петя Рычков освоил немецкий с голландским, а директор Иоганн Тамес посвящал его в тайны бухгалтерии, в суетный мир доходов и расходов. «Он меня, как сына, любил... к размножению мануфактур и к пользе российской коммерции чинимых употреблял» – так вспоминалось Рычкову на закате жизни. Выучка пошла на пользу, и в 1730 году молодой бухгалтер стал управлять Ямбург-

скими стекольными заводами. Здесь, в захолустье провинции, встретила ему красавица Ани-сья Гуляева, которая и стала его женою... Петр Иванович жил и радовался:

– Ничто нам! Сто рублей в год имеем, проживем.

– Дурак ты, – отвечал ему тесть Прокофий Гуляев. – Эвон, в таможенную столичную немца взяли за восемьсот рублей в год на всем готовом, дабы бухгалтерию соблюдал. А он по-русски – ни гугу, пишет по-немецки, при нем толмача содержат... Что ты сидишь тут, в лесу, да ста рублям радуешься? Ехал бы в Питерсбурх да в ножки господам знатным кланялся... Пусть они тебя на место этого немца определят.

– Просить-то совестно, Прокофий Данилыч!

– А-а... Ну тогда и сиди в лесу. Корми комаров. А вот как детишки забегают, тогда о совести позабудешь...

Скоро заводы стекольные из Ямбурга перевели в Петербург, и – волей-неволей – Рычков обратился в Сенат, где его приветил сенатский обер-секретарь Иван Кирилов.

– По мне, – сказал он Рычкову, – так лучше бы при таможене русского бухгалтера содержать, нежели немца, который на меня же, на русского, и косоротится. Пиши прошение, уладим. Сто пятьдесят рублей в год получать станешь.

– Да немец-то восемьсот имел! На всем готовом.

– Так это немец, – ответил Кирилов. – А ты русский... тебя, как липу на лапти, догола обдирать надобно...

Было время немецкого засилья при царице Анне Иоанновне – Кровавой! Рычков стал бухгалтером при таможене. Это сейчас, куда ни придешь, всюду сыщешь бухгалтера, а в те стародавние времена бухгалтер был персона редкостная и значительная, ибо начальники только воровать деньги умели, а вот изыскивать выгоды для казны – на это у них ума не хватало.

Умен был сенатский секретарь Кирилов: великий рачитель отечества, экономист и географ, он далеко видел, уже прозревал будущее. Экспедиция, им задуманная, называлась «Известной» (известная для избранных, она была засекречена для других). Киргизы пожелали принять русское подданство, их хан просил Россию, чтобы она в устье реки Ори заложила торговый город, которому и предстояло стать Оренбургом.

– Для «известного» дела, – объявил Кирилов Рычкову, – надобен бухгалтер знающий, каковым ты и станешь...

Россия нуждалась в торговле с Азией, и в августе 1735 года Оренбург был заложен. Но сейчас на том месте стоит город Орск, а сам Оренбург перетащили к Красной Горе (ныне там село Красногорское), и только в устье реки Сакмары Оренбург нашел свое фундаментальное место, которое занимает и поныне.

От множества огорчений, перетрудившись, добряк Кирилов умер, его пост занял Василий Никитич Татищев.

При нем Рычков ведал Оренбургской канцелярией.

Василий Никитич мыслил широко, государственно; он и надоумил Рычкова смотреть на все глазами историка:

– Кирилов покойный оставил после себя атлас отечества, а что после тебя останется, Петр Иваныч? Неужто один только дом в Оренбурге, где ты семью расселил? А ведь края эти дикие нуждаются в описании научном, Оренбургу пора свою летопись заиметь, дабы потомки о наших стараниях ведали...

Такие поучения немало удивляли бухгалтера:

– Уфа-то, заведенная еще от Ивана Грозного, вестимо, в истории нуждается. А мы-то здесь без году неделя... Нам ли о летописях горевать, коли ни кола ни двора не имеем!

Татищев подвел его к окну, указал вдаль:

– Гляди сам, сколь далече отселе нам видится... Не отсюда ли пролягут шляхи торговые до Индии?

Правда, что виделось далеко, даже очень далеко... Давно ли здесь верблюды скорбно жевали траву, а теперь стоял город-форпост: за крепостными валами, с которых строго поглядывали пушки, разместились гостиные дворы, по Яику плыли плоты из свежих лесин, всюду шумели толпы людей, понаехавших отовсюду за лучшей долей, а солдатам и матросам нарежали земли – сколько душа желает, только не ленись да паши... Почва же столь благодатна, что, бывало, кол в землю вобьют – из кола дерево вырастает! А вокруг Оренбурга уже возводились новые села с веселыми жителями, там жаркий ветер колыхал пшеничные стебли.

Анисья Прокофьевна говорила мужу – не в упрек:

– Сколь уж деток нарожала я тебе! Нешто нам в этакое пекле и век вековать? Хоть бы чин тебе дали, чтобы деточкам нашим при шпаге ходить да низко не кланяться... Даром ты, што ли, по канцеляриям утруждаешься?

В 1741 году канцелярия Оренбурга завела особый департамент – географический, Петр Иванович вникал в ландкарты геодезистов, уже мечтая об атласе этих степных краев, дерзостно помышляя о «топографии» Оренбургской, в которой описать бы все реки и озера, все города и деревни, все полезные руды и злаки сытопитательные, о зверях и зверушечках разных. Пернатых при этом тоже забывать не следует...

– Чин-то за усердие в карьере дают, – отвечал он жене, – а научные звания за разум присваивают. Татищев уже хлопотал перед академией, дабы она меня почтила вниманием, да разве в науку пробьешься? Все шестки да насесты иноземцы столь плотно обсели, что любого русского заклевать готовы...

К управлению краем пришел Иван Иванович Неплюев, образованнейший человек, при нем завелись в степях школы для русских, башкиров и киргизов, задымились в березовых рощах заводы. Оренбург дал стране первые медь и железо.

Иван Иванович уважал Петра Ивановича:

– Сколь потомков-то нарожала тебе Анисья?

– Десять. Одиннадцатого во чреве носит.

– А чего земли и чина не просишь?..

Рычков стал коллежским советником, обретя по чину дворянство. Неплюев выделил ему под Бугульмой хорошие земли, чтобы усадьбу завел и жил, как помещик. Но Анисье Прокофьевне уже не нужны были ни чин его, ни шпага, ни усадьба:

– Помираю, Петруша, – позвала она его среди ночи. – От одиннадцатого помираю... живи один. За ласку да приветы спасибо, роденький мой. Но завещаю тебе – женись сразу же, ибо без жены заботливой детишек тебе не поднять...

Петр Иванович свое отгоревал, а весной 1742 года ввел в свой дом Елену Денисьевну Чирикову.

– Охти мне! – сказала молодая, присев от смеха, когда увидела великий приплод от первой жены Рычакова. – Ништо, – не испугалась она, – со всеми управлюсь, да и своих детишек, даст Бог, добавлю дому Рычковых не меньше...

От второй жены Петр Иванович имел еще девять отпрысков, услаждая себя приятною мыслью, что после него Рычковым на Руси жить предстоит долго-долго. А там, где выросла его усадьба, вскорости возникло новое оживленное село – Спасское, закрутились крылья мельниц, перемалывая сытное зерно, с громадной пасеки доносилось тягучее жужжание пчелиных роев: мед жители Спасского измеряли не ведрами, а бочками.

По субботам Рычков устраивал детворе «посеканции»:

– По мне, так будьте вы хоть кривыми и косыми, но только б разумными чадами, и от просвещения не отвращайтесь... Всяк от мала до велика обязан утруждаться науками на общее благо, дабы стать полезными слугами отечеству!

Это ничего, что он детишек своих розгами взбадривал: такова уж эпоха «просвещенного абсолютизма»...

Сам же глава семейства неустанно работал, трудясь над «Оренбургской топографией». Академия наук не спешила его печатать, четыре года мурыжила рычковские «Разговоры о коммерции», и только в 1755 году, раскрыв «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащих», Петр Иванович увидел свой труд в печати, зато не увидел своего имени. Под статьей стояли два анонима. Рычков огорчился:

– Да не вор же я, чтобы имя свое от людей прятать, будто краденое. Ломоносов-то меня знает! Ныне как раз пришло время отослать ему начало топографии Оренбургской...

«Михаиле Васильевич Ломоносов персонально меня знает, – писал Рычков. – Он, получив первую часть моей «Топографии», письмом своим весьма ее расхвалил; дал мне знать, что она от всего академического собрания апробована; писал, что приятели и неприятели (употребляю точные его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырезать на меди...»

Хотя Петр Иванович и жил на отшибе империи, но имя его уже становилось известно в Петербурге. Однако не видать бы ему признания, если бы не помог Ломоносов... В январе 1758 ода в канцелярии Академии наук совещались ученые: как быть с этим беспокойным Рычковым? Тауберт и Штелин полагали, что без знания латыни Рычкову академиком не бывать.

Тогда в спор Ломоносов вступился:

– Мужичу скоро полвека стукнет, так не станет же он латынью утруждаться, чтобы рядом с ними штаны протирать! Я полагаю за верное, чтобы академия наша озаботилась для таковых научных старателей, каков есть Рычков, ввести новое научное звание: пусть отныне станутся у нас ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ...

Была резолюция: «И начать сие учреждение принятием в такие корреспонденты, с данием диплома, коллежского советника Рыčkова...» Об этом Петра Ивановича и уведомили.

– Виват! – обрадовался он. – Честь-то какова: я первый на Руси человек, что членом-корреспондентом стал...

Весною 1760 года Рычков дописал вторую часть «Топографии Оренбургской» и сразу подал в отставку.

Елена Денисьевна даже руками всплеснула:

– А на что ж мы жить-то в отставке станем, ежели от казны жалованья лишимся? Эвон, ртов-то у нас сколько, и все разинулись, как у галчат: туда только носи да носи.

– Проживем... с имения, – утешил ее Рычков.

Академию наук он оповестил о своем новом адресе: «Село мое, называемое Спасским, на самой московской почтовой дороге между Казанью и Оренбургом, от Бугульмы в 15-ти верстах».

Петр Иванович засургучил письмо в конверте:

– Послужил губернаторам! Теперь наукам слуга я...

«Трудолюбивый и рачительный муж» – именно в таких словах воздал хвалу Рычкову знаменитый просветитель Николай Иванович Новиков. Хотя и принято думать, что нет пророка в отечестве своем, но Петр Иванович стал им: в природе Южного Урала он уже разгадал подспудные богатства, которые со временем станут основой могучей русской промышленности.

Но трудно, даже немислимо перечислить все то, о чем хлопотал, над чем трудился Петр Иванович! Специально для Ломоносова он написал «О медных рудах и минералах», предвидя развитие цветной металлургии в степях Казахстана; в другой статье «О сбережении и размножении лесов» он, пожалуй, первым на Руси пробил тревогу, доказывая, что лес не все рубить – еще и сажать надобно; Рычков писал «О содержании пчел», заложив первые в стране научные опыты над пчелами, для чего сооружал ульи со стеклянными стенками; Рычков первым в России задумался над трагическим для нас понижением уровня Каспийского моря, что, безусловно, отразится на климате всей нашей страны; словно заглядывая в далекое будущее, Петр Иванович подсказывал нам, своим потомкам, о нефтяных богатствах в бассейне реки Эмбы; наконец, он еще застал на своем веку несметные стада сайгаков, диких лошадей – тар-

панов, диких ослов – куланов, он своими глазами наблюдал активную жизнь многих тысяч бобров и выхухолей, жирные белуги и громадные осетры поднимались тогда по Яику вплоть до самого Оренбурга – и Рычков все это видел, заклиная народ беречь природу России, без которой немыслима жизнь русского человека...

Отъезжая в свое имение, Петр Иванович вручил своему управляющему сундучок, наказывая строжайше:

– Ты, Никитушка, охраняй его: здесь все, что нажил, и мы по миру пойдем, ежели сундучка этого лишимся.

– Да я за вас!.. – поклялся Никита. – Жизнь отдам.

Петр Иванович, покончив со службой, перевез из города в усадьбу и свою библиотеку – под 800 томов (а по тем временам такие библиотеки – редкость!). Сельская жизнь радовала его: «Я наслаждаюсь деревенским житием, – писал он на покое. – Домашняя моя экономия дает мне столько же упражнения, как и канцелярия, но беспокойства здесь такого, как в городе, не вижу...» Правда, спокойствия тоже не было: в своем же имении, буквально у себя под ногами, Рычков сыскал залежи меди, и скоро в его Спасском заработал медеплавильный заводик. Хлопот полон рот, а прибыли никакой.

– Да брось ты медью-то баловаться, – говорила жена, снова беременная. – Лучше бы винокурением обогащался...

Была ночь на 5 декабря 1761 года, когда в усадьбе вдруг начался пожар. Пламя охватило весь дом. Через разбитые фрамуги окон выбрасывали на снег мебель и посуду.

– Книги-то! – зывал Рычков. – Книги спасайте.

Из клубов дыма слышался голос жены:

– Никита-а, сундучок-то наш и-где?

– Здесь, – доносилось в ответ. – Покедова я жив, с вашим сундучком не расстанусь... будьте уверены!

Петр Иванович смотрел, как, порхая обгорелыми страницами, вылетают из окон его любимые книги. «Да и бросали их в мокрый снег и на разные стороны, – писал он друзьям, – то надеюсь, что многие испортились и передраны. Особливо жаль мне манускриптов, мисцеляней и переводов, мною самим учиненных. Сей убыток почитаю я невозвратным... Принужден теперь трудиться, чтоб как-нибудь на зиму обьюртоваться, а летом новый дом строить...» Зимую кое-как перемучились на пепелище, пора было думать, на что семье жить дальше. Рычков говорил:

– Будто бы место директора Казанской гимназии освобождается... Не написать ли персонам столичным о нужде моей?

Но покровителей сильных не оказалось, гимназию другим отдали, пришлось подумать о возвращении из отставки. И тут познал он горькое унижение: его, автора истории и топографии Оренбургской, не пожелали иметь чиновником в Оренбурге.

– Да что вы от меня-то отказываетесь? Или у вас все места в канцелярии заняты членами-корреспондентами Академии наук?

Но ему дали понять: нам умников не надобно, казенную бумагу – ты пиши, а сочинять там всякое – не похвально. Если же понадобится, так мы и сами не хуже тебя напишем.

– Писарь – это еще не писатель! – возмутился Рычков...

Сам он в это время работал над проектом торговых сообщений с Ташкентом, с Бухарою, с Хивою и делал географическую раскладку, как добраться караванами до блаженной Индии.

Девизом своей жизни Рычков избрал верные слова:

«ВЕК ЖИТЬ, ВЕК ТРУДИТЬСЯ, ВЕК УЧИТЬСЯ!»

Спасское утопало в душистых садах, посреди села вытекал из земли журчащий ключ холодной живительной воды, гудели пчелы. Было хорошо. А вечером в село возвращалось

стадо. Петр Иванович поймал козу, зажал ее меж колен. Гребнем вычесал из нее подшерсток, а нежный пух пустил по ветру. И – задумался.

– Алена! – позвал он жену. – Я вот мыслю о том, что из пуха козьего можно платки вязать легчайшие. Ну-ка, попробуй, красавица. Занятно мне, что у тебя получится?

Елена Денисьевна послушалась мужа, и пуховый платок получился на диво хорош, согревающий и легок, как волшебная кисея. Скоро жена Рычкова получила медаль – от имени «Вольного Экономического общества» России. С того-то и начиналась громкая слава знаменитых «оренбургских платков», которой суждено сделаться славой международной. Но опять-таки зачинателем этого народного промысла был неумолимый Рычков.

Жена его получила золотую медаль, а сам Петр Иванович получил только серебряную. Это не столь важно...

Куда-то вдруг запропастился управляющий Никита, а когда хватились его, то и сундучка не обнаружили, в котором Рычков «на черный день» откладывал сбережения.

– Вот черный день и настал! – было им сказано...

Вспомнилось тут Рычкову, как давным-давно разбило на Двине и Сухоне барки отца с товарами, но там-то – стихия, суета волн и ветра, а здесь – свой же человек, и суета его зловредная, корысть житейская и подлейшая. Малость утешало Петра Ивановича, что сыновья старшие уже на службе, а старшие дочери при мужьях, но все равно – шесть детишек да разные домочадцы немалых расходов требовали. «И так не знаю, как теперь исправляться, – писал Рычков. – Продаю оренбургский мой двор, но и на то купца нет – я уже за половину цены рад бы его отдать... К лакомству и к напиткам я не склонен. Со всем тем я очень несчастлив». Одно было утешение: труды Рычкова стали переводить в Европе, его имя высоко ценили в научных кругах Петербурга и Москвы, ученые путешественники считали долгом своим завернуть в Спасское, чтобы усладить себя беседой с Петром Ивановичем... Он и сам жене говорил:

– Ох, Алена! Чудно все. Как в Ферней все вояжиры заворачивают – Вольтера повидать, так и в Спасском все ученые не преминут меня навестить, будто я философ какой...

Это правда: забвенная деревушка вдали от генеральных трактов империи повидала немало гостей, имена которых ныне принадлежат русской науке: Лепехин и Паллас, астрономы Ловиц, Крафт и Христофор Эйлер, был тут и меланхолик профессор Фальк, ученик Линнея. А в марте 1767 года Рычков сам навестил Москву, где повидался с императрицей Екатериной II и «удостоился из уст ея величества услышать следующие слова: «Я известна, что вы довольно трудитесь в пользу отечества, за что я вам благодарна...» Петр Иванович поднес ей свою книгу «Опыт казанской истории», императрица звала его в опочивальню, где «разговаривала со мной, расспрашивая меня о городе Оренбурге, о ситуации тамошних мест, о хлебопашестве и коммерции тамошней». Рычков пожаловался, что после пожара да воровства домашнего никак оправиться не может и желает из отставки вернуться на службу казенную... Екатерина ответила ему:

– Да ведь шестьсот рублей в год невелико жалованье, и боюсь – не поладишь с оренбургским губернатором Рейнсдорпом.

– А чего же не полажу с ним?

– Ты, Петр Иваныч, умный, а Рейнсдорп – дурак.

– Ежели он дурак, ваше величество, – сказал Рычков, – так в вашей же власти заменить дурака на умника.

– А где я теперь сыщу умного, чтобы согласился в Оренбург ехать, ежели слухи по Руси ходят, что Яицкое войско опять бунит и от казаков тамошних любой беды жди...

Очевидно, «приватная» беседа с императрицей все же возымела свое действие, ибо Рейнсдорп звал его в Оренбург.

– Ныне вся Украина волнуется, в народе соли не стало, – сообщил губернатор. – От канцелярии своей стану отпущать вам тысячу рублей в год, ежели возьмете на себя и управление соляными копиями в крепости здешней – Илецкая Защита...

Выбирать не приходилось. Илецкая же Защита (ныне город Соль-Илецк) южнее Оренбурга, жарыща там адская, а тоска лютейшая. Форт отгородился от степи и разбойников деревянным забором, внутри его – мазанки да казармы, церковь да магазины, вот и все; двести беглых мужиков выламывали из недр пласты соли, а больные садились в грязь по самую шею, и та грязь их исцеляла. Даже на каторге люди жили лучше и веселее, чем в этой Илецкой защите, солью сытые и пьяные, но Рычков отбыл «наказание», в результате чего явилась в свет его новая книга «Описание Илецкой соли»... Именно здесь, среди беглых и ссыльных, Петр Иванович уже явственно ощутил в народе признаки той грозы, которая разверзла небеса сначала над казацким Яиком, где вдруг явился некий Емелька Пугачев...

Но прежде «возмущения яицкого» калмыцкая орда – со всеми кибитками и верблюдами – вдруг струнулась со своих кочевий, напролом повалив в сторону далекой Джунгарии, и с этого времени началась вражда Рычкова с губернатором. Петр Иванович как историк почел своим гражданским долгом пояснить это событие своим современникам. В письменах ученым он доказывал, что бежать калмыков вынудили не только злостные наговоры и клевета фанатиков-лам, но и притеснения со стороны оренбургских хапуг-чиновников... Рейнсдорп об этом узнал.

– Жалкий Тартюф! – закричал он. – Я уже прозрел вашу низкую натуру, и в канцелярии видят, что ваши злословия о чиновниках происходят едино лишь от зависти. Да, – сказал Рейнсдорп, – я воздаю должное вашим способностям, но... Кто вам право давал излагать историю губернских событий, прежде не советуясь со мною, с начальником всей губернии?

Петр Иванович с достоинством поклонился:

– Трудясь над историей, я меньше всего думал о советах начальства, ибо история существует сама по себе, и никакой Аттила не сделает ее лучше, ежели она плохая...

5 октября 1773 года Емельян Пугачев, подступив под стены Оренбурга, замкнул город в кольце осады. Окрестные фортеции и деревни были выжжены, все офицеры в гарнизонах перевешаны, ни один обоз с провиантом не мог пробиться к осажденным, и, как писал А.С. Пушкин, «положение Оренбурга становилось ужасным... Лошадей давно уже кормили хвостом. Большая часть их пала... Произошли болезни. Ропот становился громче. Опасались мятежа». Рычков с семьей остался в осажденном городе, день ото дня ожидая, что ворота будут взломаны восставшими. Голод взвинтил базарные цены. Гусь шел за рубль, за соленый огурец просили гривенник, а фунт паюсной икры стоил 90 копеек. Конечно, при таких бешеных ценах неимущие шатались от голода. Петр Иванович вел летопись осады и, дабы помочь голодающим, делал опыты по выварке кож, искал способы замены хлеба суррогатом. Он еще не знал о гибели сына-офицера, но выведал другое: «Село мое Спасское и еще две деревни... злодеями совсем разорены... Пуще всего я сожалею об моей библиотеке, коя от злодеев сожжена и разорена». Только весной 1774 года с Оренбурга была снята осада, и Петр Иванович отъехал в Симбирск, где повидал сидящего на цепи Пугачева:

– За что ж ты, вор, моего сыночка сгубил?

Рычков стал плакать. Пугачев тоже заплакал. Об этом Петр Иванович тоже не забыл помянуть в «летописи», признавая, что «нашел я в нем (в Пугачеве) самого отважного и предприимчивого казака...». Но поездка Рычкова в Симбирск вызвала очередной скандал с оренбургским губернатором Рейнсдорпом:

– Вы зачем таскались туда без моего понуждения?

– Меня звал в Симбирск граф Панин, чтобы я изложил «экстракцию» о событиях в Оренбурге во время осады.

– Почему об осаде Оренбурга не меня, губернатора, а вас, моего чиновника, сиятельный граф изволил спрашивать?

– Значит, – отвечал Рычков, – историкам и писателям больше доверия, нежели персонам вышестоящим...

Петр Иванович отказал Рейнсдорпу в цензуровании своей рукописи «Осада Оренбурга», не пожелал восхвалять деяния начальников, как не стал порочить и восставших. Советский историк Ф.Н. Мильков писал: «Рычков отличался большой принципиальностью в научной работе. Он не побоялся пойти на открытый конфликт с губернатором, только чтобы в своих исторических сочинениях не исказить действительности, не подправлять ее в интересах бездарной администрации...» Рейнсдорп клеветал на него Петербургу: «Для меня его хартия (история осады Оренбурга) до сих пор остается тайной, из чего я с уверенностью вывожу, что он, по своему обыкновению, наполнил ее сказками и лжами». Рычков оправдывался перед Петербургом: «Я во всю мою жизнь ласкателем и клеветником не бывал, держусь справедливости...» Рейнсдорп не уступал.

– Только в могиле, – бушевал он в канцелярии, – такой человек, как Рычков, расстанется со своею черной душою...

Рычков был уже в могиле, когда его рукопись попала в руки поэта Пушкина: «Я имел случай ею пользоваться, – писал поэт. – Она отличается смиренной добросовестностью в развитии истины, добродушным и дельным изложением оной, которые составляют неоценимое достоинство ученых людей того времени». Издавая свою «Историю пугачевского бунта», Пушкин опубликовал в приложении к ней и записки Рычкова об осаде Оренбурга...

Так в нашей истории Петр Иванович невольно совместил свое историческое имя с именами Ломоносова и Пушкина!

Рычкову исполнилось 63 года, а он давно чувствовал себя стариком: слишком уж много выпало тревог и волнений в жизни бухгалтера, историка, географа, чиновника, писателя, мужа двух жен и, наконец, отца многих детей. В феврале 1773 года, выходя из канцелярии, он на обледенелом крыльце неловко оступился и повредил себе ногу. С тех пор превратился в инвалида: с одного боку опирался на костыль, с другой стороны его поддерживал слуга... «Впрочем, – записал он, – домашнее мое упражнение состояло большею частию в сочинении топографического словаря на всю Оренбургскую губернию»:

– Оставлю после себя народный лексикон, каким народ выражает географические понятия и названия...

Лексикон занял 512 листов бумаги, и Екатерина II, получив его копию, распорядилась выдать из казны 15 000 рублей.

Петр Иванович от такого подарка не отказался:

– Но чую, что смазывают меня перед дальней дорогой, яко старый шарабан, чтобы не сильно скрипел. Да и то верно – с местной критикой мне не ужиться...

В марте 1777 года Рычков указом императрицы был назначен «главным командиром» екатеринбургских заводов на Урале. Это было видное повышение, но это было и заметное удаление. Отказываться нельзя, и он поехал вместе с женою... Приехал на новое место и слег. Елена Денисьевна плакала.

– Не рыдай, Аленушка! – сказал ей Рычков. – Устал я от жизни сей... Не оставь меня здесь. Отвези на родину.

– Никак ты обратно в Вологду захотел?

– Я и забыл про нее... Увези меня... в Спасское...

Он закрыл глаза так спокойно, будто уснул. Его отвезли в те края, где он прославил себя, и похоронили в селе Спасском, где журчал чистый ключ-родник, где тревожно гудели медовые пчелы. Многочисленные потомки немало гордились славой своего предка, но сохранить его

могилу не смогли. Уже в 1877 году некий Р. Г. Игнатъев не обнаружил на могиле Рычкова даже надписи... Так она и затерялась для нас, и мы уже не можем поставить памятника!

## «Цыц и перецыц»

Дело давнее... Сергей Кириллович Станиславский, мелкотравчатый дворянин, обходя лужи, старательно поспешал на службу при канцелярии строений, где он кажинный денечек бумаги разные переписывал, трудами праведными достигнув коллежского регистратора, а на большее и не рассчитывал.

На Басманной близ Разгуляя стоял громадный домина, сплошь обитый железом, и чиновник невольно придержал шаги, заметив на его воротах бумагу, обращенную ко вниманию проходящих. Смысл афиши был таков: ежели какой-либо дворянин желает иметь невесту со знатным приданым, то пусть объявится в этом доме, никаких страхов не испытывая, ибо нужда в супружестве возникла неотложная и решительная.

– Чей дом-то этот? – спросил чинуша прохожего.

– Стыдно не знать, сударь, – последовал ответ с укоризною. – Соизволят проживать здесь великий богач Прокофий Акинфиевич Демидов, и вы в этот дом лучше не суйтесь.

Сергей Кириллович стал на афишу показывать:

– А вот, гляньте, тут в женихе надобность приспела.

Прохожий глянул на бумагу с большой опаскою.

– Это для смеху! – пояснил он. – Господин Демидов хлеба не поест, прежде не повредив кому-либо. Ему забавы нужны всякие, чтобы над образованным человеком изгиляться. Явитесь вы к нему, так он вам так всыпет, что своих не узнаете...

Побрел бедный чиновник далее, размышляя: «Оно, может, и так, что всыпет. Но за оскорбление чести дворянской через полицию можно сатисфакции требовать, чтобы деньгами поругание мое оплатил. Маменька-то вчера уж как убивалась, что давно пирогов с изюмом не кушала. Меня же и попрекала, сказывая: эвон, как другие живут, собирая с просителей акциденции, сиречь взятки. А ты, дурак такой, только ушами хлопаешь, нет от тебя никаких удовольствий... Вернусь». С таким-то решением Станиславский вернулся к дому, что внешне напоминал фортецию неприступную, и постучал в ворота. Добрый молодец отворил их и высморкался, спрашивая:

– Зван или незван? Бить аль погодить?

– Я... жених, – сознался чиновник. – Из дворян... по объявлению. Мне бы невесту поглядеть да чтобы мне приданое показали.

– А-а-а. Тады милости просим, входите...

Вошел Станиславский в хоромы и тут даже штаны прохулил от вящего изумления. Вот как миллионщики-то живут, не чета нам! Тихо играли органы, встроенные в стены палат, посреди столов струились винные фонтаны, прыгали ручные обезьяны, порхали под резным потолком невиданные птицы, где-то кричал павлин, а мимо чиновника, до смерти перепугав его, вдруг пробежал не то зверь, не то человек, и, зубы огромные скаля, стebанул его – прямо по заливку.

– Это кто ж такой будет? – спросил чиновник служителя.

– Это, мил человек, будет не человек, а подобие его, научно прозываемое ранкутанком... За большие деньги из Африки вывезли! С утра кормлен, так что не бойся: жрать не станет. Ступай дале. Хозяину доложили – чичас явится...

Станиславский ни жив ни мертв – увидев миллионера Прокофия Акинфиевича Демидова: был он в халате, снизу исподнее, на голове колпак, а босые ноги в шлепанцах домашних (кои тогда, читатель, назывались «шептунами»). Вышел Демидов и спросил:

– Дворянин? По Департаменту Герольдии записан ли?

– Писан, – пискнул чиновник. – Имею счастье состоять в чине регистратора, состоя при бумагах разных, а значение запятых мне известно, за что от начальства похвалы удостоился.

– Ну и дурак... Не все ли равно, где запятая ляжет? Вот точка – это другое дело, от нее многое, брат, зависит. Ты точки-то когда-нибудь ставил ли в бумагах своих?

– Точки у нас директор канцелярии саморучно ставит.

– Ладно. Значит, решил зятем моим стать?

– По афише. Как было объявлено.

– Небось и приданое желаешь иметь?

– Так а кто ж не желает? Не дурак же я!

Демидов подумал и велел встать чиновнику на четвереньки. Потом забрался на него и велел возить по комнате. Очень трудно было Станиславскому, но возил, пока не ослабел, и тогда Демидов сам сел и ему велел сесть. Стал тут миллионер думу думать. В ту пору Демидов пребывал в «дистракции и дизеспере» (как выражались тогда на смеси французского с нижегородским). Дело в том, что хотел он выдать дочек своих за купцов или заводчиков, но лишь одна Анька послушалась, за фабриканта Земского выйдя, остальные же дщерицы заартачились: не хотим быть купчихами, а хотим быть дворянками! Сколько уж прутьев измочалил Прокофий Акинфиевич, сколько дурех этих по полу ни таскал за косы – нет, уперлись, подавай им дворянина.

Оттого-то и появилось на воротах дома его объявление...

– Анастасию Первую, – указал он, а жениху объяснил: – У меня их две Настьки: коли Первая не приглянется, так я тебе Вторую явлю... Ты не пугайся: не девки, а змеи подколодные!

Величавой павою выплыла из комнат Анастасия Первая.

– Вот, – сказал ей отец, – жених дворянский, как и хотела!

Тут эта девка чуть не плюнула в Станиславского:

– А на што мне такой завалиющий? Ах, папенька, не могли разве пригоженького залучить? Да и чин-то у него каков? Мне бы, папенька, гусара какого или советника статского, чтобы у дел важных был или чтобы с саблей ходил.

– Цыц и перецыц! – гаркнул Демидов. – Не ты ли от звания купеческого отвертывалась? Не ты ли кричала, что лучше за первого попавшегося дворянина желаешь... Так вот тебе – первый попавшийся. А коли будешь рыпаться, так я не погляжу, что жених тут: разложу на лавке да взгрею волей родителя...

Это не анекдот! Вот так и стал нищий коллежский регистратор владельцем колоссального состояния, заимел богатейшую усадьбу, а маменька его пироги с изюмом уже отвергала:

– От них рыгается! Ныне-то, люди умные сказывали, есть пироги такие, в кои целый нанас запихивают, и прозываются они парижским «тиликатесом». Вот такого хочу – с нанасом!

...Было начало царствования Екатерины Великой.

Москва тех времен, еще «допожарная», была обстроена дворцами знати, в которых едва помещались оранжереи, библиотеки, картинные галереи, бронза и мрамор. Иностранцы, посетив тогдашнюю Москву, писали, что им казалось, будто русские обобрали всю Европу, чтобы иметь в каждом доме частный музей. Европейцы не раз попадали впросак от незнания барской жизни: низко кланялись дамам, облаченным в роскошные шубы, а потом выяснялось, что это служанки, а меха у них такие же, как у барынь. Опять-таки непонятно: крепостные иногда становились миллионерами, и даже такой богач, как граф Шереметев, занимал в долг миллионы у своего раба Никифора Сеземова... Вот и разберись в тогдашней московской жизни!

Прокофий Акинфиевич родился в Сибири, в период царствования Петра Великого. Он был внуком Никиты Демидова, что основал в Туле ружейное дело, а на Урале обзавелся заводами и рудниками. Прокофий рано женился на Матрене Пастуховой, но раньше времени загнал молодуху в могилу, чтобы сожительствовать со своей комнатной девкой Татьяной Семеновой, от которой – не венчан! – тоже имел детишек. Танька-то была статью как гренадер, грудь имела возвышенную, каждую весом в полпуда, а глаза у нее, ей-ей, словно полтинники – сверкали.

Бывало, как запоем она «Я милого узнаю по жилету» – так Демидов на колени перед ней падал, крича:

– Ой, убила-а! Совсем убила... Хорони меня, грешного!

Было у него от первой жены четыре сына, он их в Гамбург отправил учиться, но там они забыли русский язык, и, когда вернулись на родину, Демидов, словно в насмешку, дал на всех четырех одну захудалую деревеньку с тридцатью мужиками и велел строго-настрога на глаза ему никогда не показываться:

– Мне эдакие безъязыкие не надобны... Пшли прочь.

Дочек же, слава Богу, дворяне (с приданым) мигом расхватили. А разругавшись с сыновьями, Демидов – назло им! – лучшие свои заводы на Урале распродал Савве Яковлеву Собакину, с чего и началось обогащение Яковлевых, новых Крезов в России.

– Батюшка ты мой разлюбезный, – внушала ему Татьяна, – не пора ль тебе меня, сиротинушку, под венец утащить?

– Цыц и перецыц, – отвечал Демидов. – Успеется...

Демидов часто и подолгу жывал в столице, не гнушался он и Европой, не раз бывая в краях заморских. Начудил он там, конечно, немало! Саксонцы, французы, голландцы видели в нем лишь сумасброда, дивясь его выходкам и капризам, за которые Демидов расплачивался чистоганом, денег не жалея; «только холодные англичане открыли ему глаза, подвергнув русского миллионера самой наглейшей эксплуатации, не постаравшись даже прикрыть ее внешними приличиями» – так писал Н.М. Грибовский, демидовский биограф, в самом начале XX века. Лондонским негодьям удалось за большие деньги сбыть Демидову свою заваль, но Прокофий Акинфиевич этого им не простил...

– Мы тоже не лыком шиты, – решил Демидов, вернувшись на родину. – Я этой англичанке такую кутерьму устрою, что ажио весь флот без канатов и снастей останется.

Одним махом он скупил все запасы пеньки со складов столицы. Англичане же каждый год слали целые флотилии за пенькой. Вот приплыли купцы из Лондона, а им говорят:

– Пеньки нет! А какая была, вся у Демидова... Сунулись они было в контору его, а там заломили за пеньку цену столь разорительную, что корабли уплыли восвояси с пустыми трюмами. Через год англичане вернулись, надеясь, что Демидов одумался, а Демидов, снова скупив всю пеньку в России, заломил цену еще большую, нежели в прошлом году, и корабли английского короля опять уплыли домой пустыми.

– С кем связались-то? – говорил Прокофий Акинфиевич. – Пушай они там негров или испанцев обжуливают, а «мохнорылым» русского человека обдурить не удастся. Вот и разорились...

Ах, читатель, если бы его месть пенькой и закончилась!

Н е т. Оказывается, еще будучи в Англии, Прокофий Акинфиевич уже отомстил своим британским конкурентам самым ужасным способом. Он дал взятку сторожам британского парламента, весьма respectableного учреждения, ночью проник в этот парламента. А там он спустил штаны и оставил – на память англичанам! – непревзойденный по красоте и благоуханный «букет» в кресле самого... спикера. Об этом в России пока ничего не знали.

– Да и кто узнает-то? – рассуждал Демидов. – Скорее промолчат, дабы перед всем миром не позориться.

В содеянном он сознался любимому зятю по дочери Анастасии Второй. Это был Марк Хозиков, происхождением швед, но обрусевший, который состоял секретарем при Иване Ивановиче Бецком, сыне князя Трубецкого от шведки, и вот через этих людей Демидов проворачивал свои дела в высших сферах правительства. Хозикову иногда он и плакался:

– Бывали у меня времена худые. Герцог-то Бирон моего братца Ваню на эшафоте колесовал, а другой братец, Никитка, в передней того же герцога лизоблюдовал. За это сикофанство и получил он наследство от тятеньки, а мне остался хрен на патоке, в одной рубашке

остался, даже посуду отняли. Верить ли? Яко пес худой, из деревянной миски лакал языком, ложечки не имея. Слава Богу, что Лизавета взошла, будто солнышко красное. Тут при ней-то люди русские и возрадовались...

В этих словах Демидова не все правда, но доля правды была: Бирон казнил и миловал, но заводы Невьянские он все же получил от отца, иначе с чего бы эти миллионы? Через Хозикова он знал, что Екатерина II навсегда им довольна. Еще в 1769 году она писала московскому губернатору: «Что касается до дерзкого болтуна Демидова, то я кое-кому внушила, чтобы до него дошло это, что если он не уймется, так я принуждена буду унимать его силой».

В чем же провинился Демидов?

Смолоду влюбленный в песни народного фольклора, не всегда безобидного для власть имущих, Прокофий Акинфиевич и сам пописывал едкие сатиры, глумясь над придворными императрицы. Узнав об этом, Екатерина распорядилась сжечь сатиры Демидова «под виселицей и рукой палача». Думаете, он испугался? Совсем нет. Напротив, Демидов само наказание превратил в потеху.

– Цыц и перецыц! – сказал он управляющему. – Завтра же ты проси сдать внаем все дома с балконами, что стоят вокруг эшафота с виселицей. А я разошлю приглашения знати московской, чтобы при казни она присутствовала со чадами, за это я их стану, яко Лукулл, особым обедом потчевать...

Мало того, к месту гражданской казни он привел громадный оркестр – с трубами, тулумбасами и литаврами. Когда в руке палача под виселицей вспыхнули сатиры Демидова, музыканты грянули праздничной музыкой, стали тут люди танцевать на площади, а сам Демидов сидел на балконе, весь в цветах, словно именинник, и аплодировал палачу своему:

– Bravo-брависсимо... Всем цыц и перецыц!

Князь М.Н. Волконский, губернатор первопрестольной, прислал к Демидову квартального офицера с наказом – внушить Демидову, чтобы унялся, смирясь в благопристойности:

– А мои слова считать волей монаршей. Ступай...

Прокофий Акинфиевич принял квартального как лучшего друга, не знал, куда посадить, стол для него накрыли лучшими винами и яствами, дрессированный орангутанг, зверило лютое, даже обнимал квартального, рыча что-то нежное.

– Друг ты мой ненаглядный! – сказал Демидов губернаторскому посланцу. – Волю монаршую я рад исполнить, и первую чару опорожним за здоровьице нашей великой матушки-государыни... Мудрость-то! Мудрость-то у ней какова!

Тут и Танька, трясая грудями, в ладоши хлопала:

– Пейдодна, пейдодна, пейдодна, пейдодна...

Через полчаса квартальный офицер валялся под столом.

– Эй, люди! Теперича начнем казнить его, как положено...

Пьяного раздели донага, обрили наголо, словно каторжного. Демидов велел не жалеть для него меду. Квартального медом густо намазали, обваляли в пуху лебяжьем и отнесли почивать в отдельную комнату – чин по чину. А возле копчика приладили ему хвост от лисицы – зело нарядный, изрядно пушистый.

– Пушай дрыхнет, – сказал Прокофий Акинфиевич... А сам через замочную скважину наблюдал за ним потихоньку, дожидаясь его приятного пробуждения. Только увидел, что стал квартальный разлеплять светлые очи, медом заплывшие, тут он и ворвался в комнату – с угрозами и криком:

– Как ты, офицер полиции, смел являться ко мне с изъявлением воли монаршей в таком непотребном виде? Вставай, сейчас я тебя явлю губернатору, чтобы он наказал тебя...

История гласит, что полицейский упал к ногам Демидова, умоляя не позорить его, но Демидов велел слугам тащить его по Москве к дому Волконского, чтобы все москвичи наглядно убедились, каковы у них квартальные... Бедный квартальный даже хвоста у себя

не заметил, так и шел по улицам, лисьим хвостом помахивая, и лишь перед домом губернатора Демидов смилоствивился, сказав, что «прощает» его, и подарил полицейскому парик, дабы накрыть бритую голову, а заодно дал ему мешок с золотом, чтобы тот худого о нем ничего не сказывал.

Пишу я вот это, читатель, а перед глазами у меня все время стоит знаменитый портрет Прокофия Демидова гениальной кисти Левицкого, что ныне украшает залы Третьяковской галереи. Помните, наверное, что Демидов изображен на фоне цветущего сада в халате и колпаке, эдакий добрый дедушка, он с небрежной деловитостью облокотился на садовую лейку. Представляя это гениальное полотно русской общественности, Сергей Дягилев в 1902 году писал: «Великий благотворитель и не менее великий чудак, Прокофий Акинфиевич, всю жизнь заставлявший говорить о себе не только провинциальное общество Москвы, не только всю Россию, но и все европейские центры, которые он посетил во время своего экстравагантного путешествия...»

Между тем, читатель, Демидова подстерегала беда, связанная именно с этим его «экстравагантным» визитом в Англию и – особенно – с тем «букетом», который он там оставил.

Англичане, как выяснилось, ничего не прощали!

Мы, читатель, сейчас немало рассуждаем и пишем о матерях-отказницах, кои оставляют своих детишек в родильных домах или приютах. У в ы, с этой же проблемой я столкнулся впервые – не удивляйтесь! – еще при написании романа «Фаворит». Как это ни странно, но в XVIII веке, осиянном высокой нравственностью народа и учением христианства, такое тоже случилось.

Екатерина об этом знала и говорила об этом не раз:

– Прямо Содом какой-то! Удовольствие от парней получит, сама брюхо набьет, а потом младенца находят в горохе на огородах да на капустных грядках. С этим надо бороться. Не матки их беспутные заботят меня, а сироты несчастные, материнской ласки и молока материнского лишенные... Вот беда-то в чем!

Дени Дидро помог ей добрым советом: из подкидышей, что будут воспитаны государством, следует образовать новое сословие в России – людей свободных, и чтоб эти люди впредь ни при каких условиях не могли бы попасть в кабалу закрепощенных. Екатерина с этим была согласна.

– Я пойду и далее, – заявила она. – Воспитанники государства, женись на крепостных девках, вызволяют их от рабства помещика, а воспитанницы, брачуясь с крепостными, сразу же от брачного венца делают мужей своих тоже свободными...

Задумано было хорошо. Не было только денег, чтобы устроить «Сиропитательные дома» (позже нареченные «воспитательными»). Россия сражалась с Турцией, и, чтобы вести такую войнищу на Дунае, деньги тоже требовались – и немалые! Фаворитом при «матушке» состоял тогда Гришка Орлов, он ее спрашивал:

– Матушка, а сколь тебе надобно?

– Миллиона четыре, никак не меньше. Но банкиры европейские, раздери их холера, в кредит более не дают, ибо, души гадючьи, не больно-то верят в славу оружия российского.

– Так и плюнь на них! У нас Прошка Демидов имеется, вот ты его и хватай за «яблочко», чтобы раскошелился...

С этим решением он сам предстал перед Демидовым, прося в долг «матушке» сумму ерунду – всего четыре миллиона рублей (не ассигнациями, а золотом, конечно).

– О какой матушке волнуешься? – спросил Демидов. – О матушке-России или о той, кою ты по ночам всячески развлекаешь?

Орлов сказал, что у всех у них по две «матушки».

– Императрице не дам! – сразу отрезал Демидов.

– Почему? – удивился Гришка Орлов, граф, князь и прочее.

– Боюсь давать тем, кто имеет право растянуть меня и высечь, а тебе дам, ибо захочу, так я и тебя высеку...

Орлов посмеялся, винцом погрешил и сказал, что казна при возвращении ссуды накинёт ему три процента. Демидов сказал:

– Не надо мне ваших процентов. Я свое условие ставлю: ежели в сроках не управитесь, то я обрету право – при всем честном народе – накидать тебе в морду сразу три оплеухи.

Орлов кинулся в Зимний дворец, докладывая императрице – так, мол, и так. Процентом Демидов не желает, зато согласен обменять их на три оплеухи. Это графа заботило:

– Матушка, ведь не успеешь к сроку долг-то вернуть? А этот дуралей выведет меня на площадь и свое получит...

– Ох, и тошно же мне с вами со всеми! – отвечала Екатерина. – Но делать нечего – соглашайся быть битым, чтобы война продлевалась до победы, а казна процентов не ведала...

Мысли о подкидышах и сиротах не покидали ее, а ведь Дидро и Вольтеру не станешь объяснять, что русская казна исчерпана. Тут-то как раз и появился на пороге ее кабинета британский посол лорд Каткерт, от которого императрица и узнала о том «наследстве», которое Демидов оставил в парламентском кресле спикера. Возмущенная императрица сначала посулила, что сошлет Демидова в Сибирь, и, кажется, была к этому готова. Но, женщина практичная, Екатерина даже из этой зловонной кучи решила иметь экономическую выгоду ради своих целей.

Прокофий Акинфиевич выслушал от нее первые слова, звучащие для него приговором:

– Сказывают, что ты в Сибири урожден был, так я тебя, приятеля своего, и сошлю в Сибирь, чтобы ноги там протянул... У нас, русских, в Европе и так всякую дурь болтают, Россию шельмуя, а ты... что ты? Или другого места не сыскал, кроме парламента, чтобы свою нужду справить? Готовься к ссылке...

Демидов рухнул перед женщиной на колени:

– Матушка... родимая... пожалей!

– А ты меня разве пожалел, на всю Европу бесчестя?

– Ваше величество, что угодно... просите. Последнюю рубашку сыму, с торбой по миру побираться пойду... все отдам!

Екатерина, искусная актриса, дышала гневно.

– Мне от тебя всего и не надобно...

Тут Екатерина припомнила, как Демидов устроил в Петербурге гулянье для простого народа, где среди каруселей и балаганов выставил жареных быков и устроил винные фонтаны, бьющие дармовым вином, отчего в столице от перепоя скончались более полутысячи человек. Она размахнулась и отвесила ему пощечину:

– На каторгу! Надоел ты мне. Даже когда добро стараешься делать, от тебя, кроме зла, ничего не бывает...

Демидов ползал в ногах у нее, рыдал и воспрянул, когда понял, чего от него требуется, – всего-то лишь денег на создание «Сиропитательного дома» для подкидышей и сироток. Таким-то вот образом одна лишь «куча», оставленная в кресле британского спикера, обошлась ему в **ОДИН МИЛЛИОН И СТО СЕМЬ ТЫСЯЧ** рублей, опять-таки чистым золотом. «Воспитательный дом» вскоре появился и в Петербурге, а Демидов, кажется, о тратах не жалел: в Москве он отдал для приюта свой каменный дом, завел при нем скотный двор и даже составил инструкцию о том, как получать от коров высокие удои молока. Правда, в этой истории случилось не все так, как задумали ранее. Крепостные стали умышленно подкидывать в «Воспитательные дома» своих младенцев, чтобы они уже никогда не ведали барщины, а сразу становились свободными гражданами (вот во что обратились идеи Дидро, золото Демидова и хлопоты императрицы!)...

Постепенно старея, Прокофий Акинфиевич не оставил своих чудачеств, и в какой-то степени он заранее предвосхитил тех купеческих Тит Титычей, что дали пищу для пьес Ост-

ровского. Порою же чудачества его принимали форму глумления над людьми. Так иногда он давал деньги в долг с условием, что цифру долга напишет на лбу должника, требуя, чтобы эту цифру он не смывал до тех пор, пока не вернет денег.

– А до сего пушай все видят, сколь ты задолжал мне...

Однажды явилась к нему старая барыня, и просила-то она сущую ерунду – всего тысячу рублей, и Демидов не отказал ей:

– Почему и не дать? Только не взыщи, у меня на сей день золотишка не стало – медяками возьмешь ли, дура?

– Возьму, батюшка, медяками. Как не взять...

Надо знать, что медные деньги тогда были тяжелы и массивны и, чтобы увезти тысячу рублей в медяках, требовалось бы не менее трех телег. Старухе отвели пустую комнату, высыпали в ней навалом мешки с медью, Демидов велел старухе отсчитывать тысячу рублей, складывая медяки в ровные столбики. Старуха ползала на коленях до самого вечера, а Демидов, похаживая возле, нарочно задевал столбики, рассыпая их, чтобы сбить старуху со счета. Наконец и ему эта возня прискучила:

– А что, мать, не возьмешь ли золотом? Ведь, гляди, уже зеваю, спать бы пора, а ты и до свету не управишься.

– Возьму, родимый, и золотом, как не взять?..

Время от времени Демидов вызывал охотников из числа лентяев – целый год пролежать у него дома в постели, не вставая с нее даже в тех случаях, когда «ватерклосс» требовался, и за это он сулил богатую премию. Но даже самые отпетые лодыри не выдерживали и, получив от Демидова не премию, а плетей на конюшне, убегали из его дома, радуясь, что их миновала пытка лежанием. Одно время среди молодых дворян возникла глупейшая мода – носить очки, и Прокофий Акинфиевич мигом отреагировал, пародируя: у него не только дворян, не только кучеры, но даже лошади и собаки были с очками. То-то хохотала Москва! Удивил он сограждан и своими дугами: две гигантские лошади шли в коренниках, два осла впереди, один фореитор был карликом-пигмеем, а второй был таким громадным верзилой, что его длинные ноги по мостовой тащились. Одежда выездных лакеев Демидова была пошита из двух половин: левая часть – парча, шелк и бархат, а правая – дерюжина да сермяга, левая нога каждого в шелковом чулке, а башмак сверкал алмазами, зато правая – в лаптях и онучах мужицких.

– Пади, пади, – попискивал лилипутик.

– Пади, пади-и! – громыхал басом Гулливер...

Нет, читатель, это уже не чудачество, а нечто совсем иное. За всем этим маскарадом скрывался потаенный смысл: Прокофий Акинфиевич презирал аристократов и где только мог тешился пародиями над их претензиями и чванством. Как раз в ту пору восходила новая звезда придворной элиты – Безбородко, утопавшего в роскоши, транжирившего тысячи на любовниц, и Демидов питал к нему особое отвращение. Побывав в Москве, Безбородко напросился в гости к Демидову, а потом отклонил свой визит, ссылаясь на важные дела, а Демидов-то уже потратился для убранства стола, гостей-то уже назвал... Гости спрашивали:

– А где же главный столичный гость – Александр Андреевич Безбородко? Ведь ради того, чтобы повидать его, мы и явились.

– Сейчас приведут его, – мрачно ответил Демидов...

Раздался страшный визг – лакей втащил громадную свиноматку с отвислым брюхом, но в придворном кафтане, и силком усадил ее в вольтеровское кресло, предназначенное для самого важного гостя. Прокофий Акинфиевич, отпуская свинье нижайшие поклоны, радушно уговаривал ее:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.